

Совершенно нормальный генерал вермахта (предисловие)¹

Нет, не столь уж они кратки, те записи, что представлены здесь. Тем самым они плохо подходят под нынешнее определение слова «заметка», скорее они отвечают латинскому *notitia*: (по)знание, понятие. Немецкий толковый словарь Якоба и Вильгельма Гриммов (том 13, колонка 965) дает для глагола «замечать» определение «записывать что-то примечательное, делать отметки». В многочисленных дошедших до нас личных дневниках и письмах Готхарда Хейнрици более всего бросается в глаза его стремление обратить внимание на всё примечательное и весомое из пережитого им, сохранить это в памяти, сопроводив собственными комментариями. Побуждение к этому было столь сильно, что Хейнрици даже в самые загруженные работой дни всегда находил время для своих заметок, для того, чтобы записать и отметить. Возникшие таким образом материалы, будь то дневник, письма жене или отчеты для всей семьи, должны были стать памяткой и основой для позднейших мемуаров. Но прежде всего они были автобиографическими самооправданиями в прямом смысле слова — ответом перед самим собой, перед родными, перед потомками и — самоочевидно для верующего Готхарда Хейнрици — перед Богом. Такой способ восприятия событий, являясь отражением собственных чувств и ощущений, был подчеркнута субъективен и обращен внутрь. Это отвечало традиции распространенного в протестантской среде Восточной Пруссии пиетистического взгляда в себя, с которой Хейнрици как отпрыск новопиетистически-ориентированной семьи (движение пробуждения) был знаком. Побуждение оставить свидетельство своего восприятия, своих мыслей и действий становилось тем сильнее, чем больше росла возложенная на него военная ответственность и чем драматичнее развивались события.

---

¹ Этот текст должен дать читателю указания, способствующие лучшему пониманию публикуемого документального комплекса и его исторического контекста, но без детального рассмотрения отдельных составляющих его документов. Подробное описание материалов архива Хейнрици см. в: *Hürter J. Ein deutscher General an der Ostfront. Die Briefe und Tagebücher des Gotthard Heinrici 1941/42.* Erfurt: Sutton, 2001. S. 11–52. В общем о генералитете на Восточном фронте в 1941–1942 гг. см.: *Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42.* München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006.

Война на уничтожение. Внимание Хейнрици было прежде всего приковано к войне, которая действительно была исключительной и которая является главной темой этого издания. Война между Германией и СССР, начатая 22 июня 1941 г. внезапным нападением вермахта, была самым большим, кровопролитным и значимым из единичных конфликтов Второй мировой войны, и, согласно классической формулировке Андреаса Хильгрубера, она представляла собой «расово-идеологическую войну на уничтожение»². Военные цели, которые ставил перед собой Гитлер и его присные, включали в себя уничтожение «иудобольшевизма», овладение важными экономическими ресурсами и захват нового «жизненного пространства на Востоке». Словосочетание «война на уничтожение» стало сейчас синонимом попытки осуществить эти сколь утопические, столь и преступные замыслы. Немецкая кампания с такими ее шокирующими проявлениями, как Холокост и массовые преступления против советских солдат и гражданских лиц, ныне хорошо изучена в Германии. Со времен дебатов о гамбургской выставке «Преступления вермахта» (1995) она прочно увязана в общественном восприятии с критическим осознанием истории. Однако термин «уничтожение» не следует рассматривать слишком узко. Записи Хейнрици настойчиво напоминают о том, что эта война унесла миллионы жизней не только на оккупированных территориях за линией фронта, которым немцы несли смерть и запустение, но и в ходе регулярных боевых действий. На советской стороне погибли предположительно около восьми миллионов красноармейцев (кроме того, умерли около трех миллионов военнопленных и пятнадцать миллионов гражданских, в сумме более 26 миллионов человек!). Но и потери вермахта (2 743 000 убитых только на Восточном фронте) были настолько огромны³, что о «войне на уничтожение» по праву можно говорить и оставив в стороне немецкие преступления в собственном тылу. К этому добавляется неисчислимый материальный урон, прежде всего из-за разрушений на той части советской территории, на которой велась война. И наконец, эта начатая национал-социалистической Германией война уничтожила также восточные немецкие земли с большей частью их населения — родину Готхарда Хейнрици.

Происхождение. Восточный пруссак, протестант, отец — пастор, один из дедов — тоже пастор, другой (отец матери) — прусский офицер из старого дворянского рода (саксонского). Эти сведения характеризуют

---

² Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1965. S. 530.

³ Цифры по: Hartmann C. Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München: C. H. Beck, 2011. S. 115f.

определенную среду, которая оказала влияние на менталитет и биографию. Хейнрици происходил из так называемых желательных кругов дворянско-бюргерской ведомственной аристократии, которая считалась в Пруссии и в Германской империи столь верной родине и годной к военной службе. Как родившийся к востоку от Эльбы протестант, сын пастора и внук офицера-аристократа, он был особо «желателен», перед ним были открыты и военная служба, и церковная карьера. То, что единственный сын протестантского священника решил выбрать профессию солдата, вовсе не умаляет того влияния, которое оказала семья на формирование его характера. Отец Пауль Хейнрици проповедовал в восточнопрусском окружном городке Гумбиннен, где Готхард Хейнрици провел первые 18 лет своей жизни, позже его отец стал суперинтендентом в Гольдапе, а с осени 1907 г. — первым пастором и суперинтендентом в церкви св. Троицы в Кёнигсберге. Дом пастора в Кёнигсберге стал для сына главным семейным очагом во время его офицерской карьеры, сопровождаемой многочисленными переводами и переездами, к тому же и его жена происходила из Кёнигсберга. Церковь в приграничной и тем выделяющейся на общем фоне Восточной Пруссии являла собой своеобразную смесь черт pietистических и воинственных, особенно в ней были развиты национализм и антииудаизм. Разумеется, по политическим взглядам родители были близки к консерваторам, затем к националистам. В Первую мировую войну отец вступил в Пангерманский союз, который выступал за «победный мир» и аннексии. Сын не остался в стороне от всего этого. Даже в послевоенных воспоминаниях Хейнрици о родительском доме и своей восточнопрусской родине встречается типичная для того времени риторика «борьбы народов» против поляков и русских, равно как и антисемитские пассажи⁴.

Карьера. От кайзеровского генштабиста до генерал-полковника в гитлеровском вермахте — военная карьера Хейнрици была до шаблонности типичной. Поступление 8 марта 1905 г. на должность кандидата в офицеры в пехотный полк в Тюрингии и отстранение заслуженного генерала от командования группы армий «Висла» 29 апреля 1945 г. обозначили начало и конец более чем 40-летней службы профессионального военного в трех армиях трех политических систем: армии прусской монархии, рейхсвере Веймарской республики и вермахте национал-социалистической диктатуры. Его превосходной карьере способствовало то, что он происходил из «годной к офицерской службе» среды и рано

---

⁴ См. бесчисленные мемуарные заметки после 1945 г. в фонде Хейнрици, особенно ВArch. N 265/23, 24.

доказал свою способность к службе в генеральном штабе. Хотя уже выписанное направление в военную академию было аннулировано с началом Первой мировой войны, Хейнрици в ходе войны и без прохождения требуемого в мирное время обучения получил знаменитые красные лампасы генштабиста. Это создало неплохую перспективу для принятия в рейхсвер и дальнейшей карьеры вплоть до генеральского чина в вермахте. В элитной верхушке генералов сухопутных войск до 1945 г. доминировал тип генштабиста кайзеровских времен. Сходство биографий людей, занимавших посты командиров армейских корпусов, командующих армиями и группами армий, было особенно велико: в основном 1880-х гг. рождения, по происхождению из «желательных кругов» и с карьерой, включающей адъютантство, службу в генеральном штабе и военном министерстве. Этот «генералитет генерального штаба», как метко, хотя и с пренебрежительной коннотацией именовал его Геббельс⁵, был продуктом традиционных, основанных прежде всего на обучении и проверке «службой за рабочим столом», критериев отбора. Хотя это не отвечало национал-социалистическому идеалу «фронтového бойца», Гитлеру практически до конца приходилось ориентироваться на старую элиту, так как ему не хватило времени, чтобы создать новый генералитет согласно критериям «близости к фронту» и «верности фюреру». То, что Хейнрици после хорошей, но вполне стандартной, со своевременными повышениями в чинах, карьеры в январе 1942 г. удалось получить пост командующего армией и оставаться в строю практически до конца войны, объясняется прежде всего тем, что он прекрасно проявил себя во многих сражениях как специалист по упорным оборонительным боям. Как раз Хейнрици является показательным примером того, что Гитлер, несмотря на всё свое недоверие, всё же вполне мог полагаться на большую часть своей «классической» военной элиты.

Слом 1918/19. Из трех сломов общественных систем, которые Хейнрици пережил, находясь на военной службе, первый оказал особенно сильное воздействие на развитие его личности. Двойной шок военного поражения и низвержения монархии оставил глубокий след и существенно повлиял на то, что он, как и большинство профессиональных офицеров, без особых шероховатостей встроился в национал-социалистическую диктатуру. Национально-консервативное воспитание в семье и в армии помогало переложить вину на «внутренних» врагов, на социалистов и евреев, которые обвинялись в том, что подточили и осла-

---

⁵ Die Tagebücher von Joseph Goebbels // Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte / hrsg. von E. Fröhlich. T. II. Bd. 2. München: K. G. Saur. S. 538 (запись от 18 дек. 1941 г.).

били государство, армию и общество. Его записи осени 1918 г. демонстрируют, сколь рано Хейнрици перенял нарратив об «ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*). На воспринятое как катастрофа окончание войны наложились личные переживания во время революционных беспорядков и национальных конфликтов в Западной и Восточной Пруссии. Уже присутствовавшая скрытая враждебность к «социалистам/марксистам/большевикам», «евреям», «полякам/славянам/восточным народам» в 1918–1919 гг. существенно радикализировалась и переплывалась в расплывчатый «образ врага», который с тех пор мог всегда всплыть в памяти. Но Хейнрици был достаточно умен, чтобы не возлагать всю ответственность за революцию и поражение на «врагов рейха» и «предателей». Он понимал, что тяжесть долгой, становившейся всё более тотальной войны была чрезмерна для немецких войск. Профессиональный урок, который Хейнрици, как и многие кадровые военные, вынес из этого для «будущей войны» — предотвращение войны как таковой не соответствовало образу мыслей офицера — был таким: следует по возможности избегать «тотальной» войны на истощение посредством быстрых, решающих для хода кампании наступательных ударов, но тем не менее последовательно готовить весь народ к военным тяготам. Опыт военного перенапряжения и внутреннего слома с 1918–1919 гг. делал еще привлекательнее заклинания о милитаризованном боевом и народном сообществе. Тяга военной элиты к «сильному государству», которое бы обеспечивало национальное единство и вооружение армии, привела в итоге к приятию и тоталитарного его варианта.

Слом 1933/34. Веймарская республика воспринималась продвигающимися по карьерной лестнице кадровыми офицерами, такими как Хейнрици, противоположностью «сильного» и «национального» государства. Это не мешало им служить в рейхсвере, в «вермахте республики», и благодаря задействию на должностях войсковых офицеров, учителей тактики, «помощников командиров» (генштабистов) — прежде всего в военном министерстве в Берлине, — создать предпосылки для будущей карьеры в гитлеровском вермахте. Хейнрици интересовался политикой, внимательно следил за кончиной республики и установлением национал-социалистического господства, что показывает лояльность типичного для бывших генералов вермахта самооправдания — провозглашаемой собственной аполитичности. Он не оплакивал «марксистско-иудейскую» республику и с удовлетворением констатировал, что ее адепты отстранены от власти. Более умеренный, консервативный, возможно, даже монархический тип авторитарного режима был бы ему милее, но он вскоре признал национал-социалистическую диктатуру свершившимся фактом и подстроился под нее. Как и многие автобиографические документы

того времени⁶, записи Хейнрици 1933–1934 гг. демонстрируют желание найти свое место в новой политической системе, определить поведение в ней и встроить собственные убеждения и свою биографию в изменившийся политический ландшафт. Изначальный скепсис по отношению к новым властителям и недовольство перегибами их политики полностью не исчезли, но постепенно уступили место — вероятно автосуггестивному — подчеркиванию позитивных, с его точки зрения, аспектов. Главной точкой соприкосновения с «открытой мировоззренческой сферой»⁷ национал-социализма была для Хейнрици «национальная мысль». Под ней офицер понимал цель создания объединенной и обороноспособной нации, сознающей свою силу как во внутренней, так и во внешней политике, то есть уже упомянутый идеал боевого национального сообщества. То, что он верил в возможность воплощения национал-социалистическим режимом этого идеала и таким образом смог вписать собственные военно-политические желания и биографический опыт в политику и идеологию нового государства, сделало Хейнрици уже в момент перелома в 1933–1934 гг., несмотря на все оговорки, сторонником гитлеровской диктатуры. Этому помогало и то, что его весьма впечатляла репрезентативная сторона нового режима: митинги, шествия, партийные съезды, приемы и прочие инсценировки, которые умело демонстрировали преемственность между «старыми» и «новыми» правыми.

Национал-социализм. Делают ли известная близость и частичная идентификация, которые с самого начала характеризовали его отношения с национал-социалистическим режимом, Хейнрици национал-социалистом или нет — вопрос несущественный. Куда более важным является то, что он как традиционный правый националист (будучи офицером он не мог вступать в партии) принадлежал к той части политического спектра, граница которой с радикально правыми течениями была размыта. В политико-идеологической среде «национального лагеря» существовал консенсус относительно того, что авторитарное государство должно устранить «слабую» либеральную демократию и вновь превратить Германию в великую державу через национальное объединение, отторжение всех «вредных элементов», вооружение и экспансию⁸. То, что для нацио-

---

⁶ См.: *Steuer J., Leßau H.* "Wer ist ein Nazi? Woran erkennt man ihn?" Zur Unterscheidung von Nationalsozialisten und anderen Deutschen // *Mittelweg* 36. 2014. Heft 1. S. 30–52.

⁷ Термин из *Lutz R.* *Radikales Ordnungsdenken und die Organisation totalitärer Herrschaft. Weltanschauungseliten und Humanwissenschaftler um NS-Regime* // *Geschichte und Gesellschaft*. 2001. Jahrg. 27. S. 5–40, примеч. С. 28.

⁸ См.: *Ulrich H.* *Wer waren die Nationalsozialisten? Typologien des politischen Verhaltens im NS-Staat* // *Karrieren im Nationalsozialismus. Funktionseliten zwischen*

нал-консерваторов вроде Хейнрици «братки-дебоширы» внутри национал-социалистического движения выглядели отталкивающе, то, что политика репрессий казалась им порой чересчур brutальной, а политика экспансии чересчур рискованной, как правило, ничего не меняло в фундаментальном одобрении, готовности участвовать в жизни нового государства и использовать возможности, которые оно предоставляло «немецкому народу» и отдельным лицам.

И в этом отношении автобиографические заметки Хейнрици весьма характерны. Центральным отправным пунктом его слияния с национал-социализмом и интеграции в национал-социалистическое государство была личность Гитлера, который вызывал у него одновременно изумление и восторг: он был и «Гитлером», от которого Хейнрици до конца дистанцировался, и «фюрером», чьими успехами он до конца восхищался. Вполне осознанные колебания между близостью и отходом в сторону служили испытанным средством для того, чтобы в зависимости от ситуации идентифицировать себя с властью или обособиться от нее. Тем легче было убеждать себя, что постоянно находишься на «правильной», с моральной и политической точки зрения, стороне. Хейнрици мог осуждать действия режима в «расовом вопросе» или (как верующий протестант, занимающий позицию между «Немецкими христианами»⁹ и Исповедующей церковью¹⁰) церковном вопросе, он мог критиковать в мирное время некоторые внешнеполитические маневры, а в военное — всё сильнее со временем — ошибки военного руководства и оккупационной политики, но «в общем и целом» поддерживать его. Однако в преддверии грозящего поражения, и особенно после окончания войны, ему удалось истолковать свое недовольство и критику отдельных пунктов как общее неприятие национал-социалистического режима. Пример Хейнрици подсказывает, как легко было оправдать собственную амбивалентность, сперва встроив себя в национал-социалистическую диктатуру, а затем, дистанцировавшись от нее, разумеется, не ставить перед собой вопросов о последствиях собственного соучастия в государственной тирании.

Mitwirkung und Distanz / hrsg. von G. Hirschfeld, T. Jersac. Frankfurt am Main; New York: Campus, 2004. S. 17–42 (на S. 35 содержится точная формулировка об «амальгамации национал-социалистов с представителями других радикально-националистических направлений и консервативных элит»).

⁹ Примеч. рус. ред.: немецкое протестантское пронацистское движение, образованное в 1932 г. После прихода нацистов к власти фаворизировалось ими.

¹⁰ В 1934 г. часть протестантов посредством Барменской декларации выступила против взятия нацистами политических и общественных движений под свой контроль (*Gleichschaltung*) и образовала Исповедующую церковь. Ее самыми известными представителями были Дитрих Бонхёффер и Мартин Нимёллер.

Хейнрици был нацистом ровно настолько, насколько он им не был. Существенен, однако, факт его соучастия и не то, что его разделяло с «этими» национал-социалистами, а то, что его объединяло с ними.

Антисемитизм. Хейнрици был антисемитом. Пусть этот вердикт покажется поспешным, но доказательства в данном случае неоспоримы. Поражение и смена власти в 1918–1919 гг., Веймарская республика, англо-американские враги во Второй мировой войне — всё это для него однозначно было «жидовским». Первые антиеврейские действия национал-социалистического режима Хейнрици комментировал, частично критикуя их, но частично и поддерживая. Насильственные акции, такие как бойкот марта 1933 г. или погром ноября 1938 г., заходили, с его точки зрения, слишком далеко, но известное ограничение и лишение прав немецких евреев он одобрял. Польские «восточные жида» из штетлов производили на него чуждое и отталкивающее впечатление, их угнетение и порабощение весной 1941 г. он описывал без капли сочувствия. Хейнрици разделял типичные для консервативных элит формы антисемитизма: религиозно-культурный антииудаизм, распространенный среди протестантов к востоку от Эльбы; политико-идеологический антисемитизм, для которого вся левая часть политического спектра была заполнена евреями и который находил свое сильнейшее воплощение во враждебном образе «иудобольшевизма»; и, наконец, диссимилиационно-сегрегативный антисемитизм, который требовал ущемления прав ассимилированных немецких евреев.

Истребительные цели национал-социалистического режима, шедшие существенно дальше, не были для него секретом. Речь Розенберга, которую он слышал в январе 1939 г. в Детмольде, недвусмысленно указывала в этом направлении, а в январе 1944 г. в Позене Гиммлер проинформировал его и других генералов о Холокосте. Прямое соучастие Хейнрици в уничтожении евреев на данный момент не доказано¹¹. Его знание о том, что происходило с евреями, в мирное время хотя бы sporadически отражалось в выражениях недовольства и осторожной критике. Во время войны же не было и этого, хотя вообще он охотно исполь-

---

¹¹ Донесения отдела разведки и контрразведки (Ic), как и донесения квартирмейстера (Qu) XXXXIII армейского корпуса за время руководства им Хейнрици утеряны. Взаимодействие между вермахтом и СС в любом случае шло на более высоком уровне командования армии. Когда Хейнрици стал начальником 4-й армии в январе 1942 г., Холокост в армейских зонах ответственности группы армий «Центр» был по большей части завершен. В 1968 г. в прокуратуре Гамбурга Хейнрици отрицал какое-либо знание об «операциях» зондеркоманды 7b осенью 1943 г., как и знания относительно массовых убийств евреев в целом, см.: BAArch. N 265/57.

зовал свои письма и дневники для критических комментариев. Неожиданный факт, что Хейнрици был женат на «полуеврейке»¹², порождает лишь кажущееся противоречие. Отец Гертруды Хейнрици, крещеный «еврейский» предприниматель из Либау¹³, умер рано, мать в Кёнигсберге повторно вышла замуж за «арийца» и воспитывала дочь в протестантской вере. О еврейском происхождении жены нет ни слова в многочисленных личных документах Хейнрици, в том числе после 1945 г.; таким образом, оно очевидно игнорировалось, вытеснялось, замалчивалось¹⁴. Оно не нанесло урона ни самому генералу, ни его «полуеврейской» жене, ни обоим «на четверть еврейским» детям: сын Хейнрици Хартмут служил офицером в вермахте. По сей день нет доказательств тому, что «случай Хейнрици» обсуждался Гитлером или защитниками «расовой чистоты». Похоже, это «пятно» было просто проигнорировано и национал-социалистами. И для положения, и для настроений Хейнрици этот факт не играл роли. Его фундаментальная антисемитская позиция не допускала ничего, кроме безразличия по отношению к «жидовству». Для Хейнрици, как и для большинства немцев, верно следующее: несмотря на происхождение жены, судьба евреев его не занимала и практически не влияла на его оценку национал-социалистического государства, которому он хранил верность до конца.

Поворот 1942/43. Куда более существенными факторами, чем расовая политика и церковный вопрос, стали для Хейнрици общее течение войны и стратегическая ситуация. Именно здесь следует искать важные

---

¹² Впервые это было подчеркнуто в: *Rigg B. M. Hitlers jüdische Soldaten*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 245f. и было основано исключительно на информации вдовы Хартмута Хейнрици, предоставленной в 1995 г. (Хенриета Хейнрици Риггу, Ройтлинген, 5 декабря 1995 г. (BArch. MSG 209/401. Bd. 1)). Этот несколько ненадежный источник подтверждается платежным документом от 17 мая 1939 г. (BArch. R. 1509: Reichssippenamt), согласно которому Хейнрици добился для своей жены статуса JJNN (родители родителей по отцовской линии были евреями), а его дети имели статус NNJN (родители родителей по материнской линии были евреями). За указание на этот документ я благодарю доктора Михаэля Буддруса, Берлин. В персональных файлах Готхарда и Хартмута Хейнрици, так же как и в материалах бывшего Берлинского документального центра, не содержится никаких сведений относительно еврейского происхождения или «декларации германской крови» жены или детей Хейнрици.

¹³ Лиепая.

¹⁴ Только лишь в более поздних заметках сына, декана-резервиста Хартмута Хейнрици, «Мой путь к церковной службе», Ройтлинген, весна 1993 г. (BArch. MSG 209/401. Bd. 2), содержится намек на частично еврейское происхождение жены Хейнрици (S. 4): «Принятие еврейских законов и правил для евреев также затронуло мою семью и знакомых».

индикаторы близости Хейнрици к режиму или обособления от него. Генерал детально комментировал в своих письмах и дневниках не только мельчайшие тактические и оперативные задачи своего штаба, но и более глобальные темы, такие как военное и политическое развитие событий. То, что он интересовался событиями на всех фронтах, добавляет ценности его свидетельствам. Барометр настроений в его дневниках демонстрировал в начале войны и после польской кампании скепсис, после победы над Францией — эйфорию, во время Восточной кампании в 1941 г. — нервное ожидание победы, а в последующие годы — всё более пессимистичный взгляд на военные перспективы.

Его отношение к Гитлеру и национал-социализму менялось в зависимости от ситуации: восторги относительно «фюрера» и его политики, пока успехи перевешивали неудачи, и критика руководства государством и военной политики, когда весы качнулись. Особенно показательными для поворота настроений были осень и зима 1942/43 гг. Хотя Хейнрици и годом раньше, во время кризиса под Москвой, назвал войну почти проигранной, на летнюю кампанию 1942 г. он снова возлагал большие надежды. После того как и это наступление не решило исход войны с Советским Союзом в пользу Германии, а напротив, закончилось Сталинградом и катастрофическим поражением, Хейнрици лишился иллюзий и более не верил в победоносный исход войны — за исключением коротких периодов, когда наступления на Восточном фронте в июле 1943 г. и в Арденнах в декабре 1944 г. еще вселяли некоторые надежды. Это подчеркивает большое психологическое воздействие Сталинграда и успехов англо-американских союзников в Африке. Хотя уже после краха операции «Барбаросса» национал-социалистическая Германия, очевидно, не могла выиграть войну, лишь удар зимой 1942/43 гг. продемонстрировал большинству действующих лиц, включая Хейнрици, насколько критическим было положение дел. Его следствием стал внутренний отход от национал-социалистической политики, в том числе на оккупированных территориях, а также своевременное заучивание нарратива, который возлагал всю ответственность за безрадостное развитие событий на Гитлера, его партийных бонз и отдельных козлов отпущения в вермахте. Это новое подчеркивание обособления не стало, однако, что крайне важно, побуждением к действию. Солдат Хейнрици так никогда и не поставил под вопрос необходимость продолжительной смертельной борьбы национал-социалистического государства за то, чтобы защитить рейх и спасти его от уничтожения.

Война на Востоке. Уже безоглядное личное участие в войне вплоть до полного поражения показывает, что солдатом Хейнрици двигали профессиональная вовлеченность и патриотические убеждения. В боль-

шинстве приведенных здесь документов речь идет именно о войне, если точнее, о войне Германии против Советского Союза. Участие в этой войне стало для него центральным событием военной карьеры, возможно даже всей жизни. Действительно, речь шла о событиях, имевших фундаментальное значение и для всей Второй мировой войны, и для вермахта — его генеральской элиты, а в особенности солдат. Немецкая военная машина не только потеряла на полях этих сражений свои ударные силы, что стало решающим для исхода войны, но и остатки своей моральной чистоты.

Война на востоке с самого начала имела два лица: военной и одновременно политико-идеологической битвы, ведущейся с использованием всех средств и методов — происходящих рядом гигантских битв и чудовищных преступлений. Изначально масштаб восточной кампании не был ясен Хейнрици. Завзятый солдат, он жаждал сражений после службы на спокойных участках Западного фронта. Как командующий пехотным корпусом, он входил в узкий круг «высшего командного состава» и хотел вести свой корпус в бой. Профессиональные задачи командира определяли его мысли и действия.

Хейнрици выказал себя жестким и способным командиром, который требовал от солдат многого, но который, даже став командующим армией, постоянно искал личного контакта с боевыми частями и фронтом. Тем самым он соответствовал прусско-немецкому (и гитлеровскому) идеалу высокого армейского начальника, который вел войска на передовой и объединял умения генштабиста и отвагу фронтового офицера. Его записи в ходе Восточной кампании являются красноречивым тому свидетельством, они демонстрируют эмпатию и заботу о собственных солдатах, ответственность за которых он чувствовал. Письма и дневники служили, помимо прочего, вентилем для снятия физической и психической нагрузки, о которой снова и снова заходит речь в его записях. Возможно, порой это выглядело сентиментальным, но тем не менее играло большую компенсаторную роль — ведь офицеру, согласно волюнтаристскому профессиональному самоограничению, нельзя было прилюдно показывать свои слабости. Тем самым записи Хейнрици превращаются в калейдоскоп несметных запросов, которые война на Востоке с ее уникальностью — от боевой обстановки и проблем со снабжением до географических и погодных условий — ставила перед офицерами и солдатами.

Война на уничтожение коснулась и войск немецких агрессоров, прежде всего простых солдат, которые в массе своей были слишком молоды, чтобы нести ответственность за свое преступное государство и его войну, жертвами которой они стали. Занимавший высокий пост генерал, такой как Хейнрици, напротив, играл совершенно иную, преступную, роль. Он поддерживал путь к этой войне, был важной частью системы

и должен был теперь испытать себя в военном аду, созданном при участии той военной элиты, к которой и сам он принадлежал. С военной точки зрения он выдержал это испытание: он не просто «удержался» на своем посту, а проявил себя как способный военачальник и при быстром марше в начале операции «Барбаросса», и во многих оборонительных боях против Красной армии, так что Гитлер до самого конца не хотел отказываться от него и даже собирался дать ему главную роль в последней главе войны между Германией и СССР.

Чужеземцы. Сильная эмпатия Хейнрици к своим солдатам, к своему «отечеству» и к собственной персоне находится в заметном контрасте с сухим, часто пренебрежительным и лишь с ходом войны на востоке чуть меняющимся описанием жителей чужой страны. Глубоко засевшая неприязнь и антибольшевистские пропагандистские образы «впечатались» в восприятие Хейнрици: он увидел на востоке именно то, что и ожидал увидеть, — совершенно чуждые немецкому «образованному человеку» мрачные и враждебные ландшафт, культуру и народ. Чувство абсолютно-го отчуждения превращало на этом поле сражений в проблему всё: людей и животных, города и дома, питание и гигиену. Наглядные описания «земли и людей» доказывают, что Хейнрици смотрел на чужеземцев с этнографическим интересом, и всё же взглядом воина и завоевателя — недоверчивым и полным предрассудков. Генералу казалось, что он попал в иную часть света, в которой немцы не смогут навести порядок и которой не смогут править. Размеры и враждебность страны и ее природы постепенно превращаются в его записках в метафору сопротивления советского противника и чрезмерного напряжения немецких войск. Отчуждение настолько сильно, что леса и поля кажутся враждебными существами, а люди не воспринимаются как люди. Подобное восприятие чужеземцев позволяло оправдывать отказ от всех привычных мерок: военных, политических и этических. В негативном восприятии Хейнрици почти не оставалось места для глубокого гуманистического (и христианского) сочувствия к страданиям людей в местностях, которые немецкая армия столь противозаконно и жестоко ввергла в войну.

Преступления. Негативное восприятие чужеземцев способствовало крайне резкому истолкованию военных событий, которое, в свою очередь, диктовало образ действия и дополнительно радикализировало восточную кампанию, и так задуманную как расово-идеологическая война на уничтожение. Уже в первые дни после противоречащего международному праву нападения Германии на СССР Хейнрици описывал сопротивление Красной армии как «лукавое» и «коварное». Это должно было обосновать беспощадность ведения боев собственными войсками

как реакцию на «коварство» русских. Казалось, что чужие поля сражений и идеологически смертельный враг отменяют в этой битве на «жизнь или смерть» все законы ведения войны и оправдывают любые средства. То, что генералы, подобные Хейнрици, уже в ранней фазе войны безропотно приняли особые правила ведения особой войны, надиктованные Гитлером и его советниками, имело решающее значение для радикализации войны. Тем самым Хейнрици с самого начала несет ответственность за те практики войны на уничтожение, которые были подготовлены преступными указами вроде «Указа о комиссарах» и «Указа о применении военной подсудности в районе “Барбаросса”».

Хейнрици скрупулезно отмечал, как «уничтожают врага», «съедают всё», что есть у местных жителей, «приканчивают» партизан (настоящих или мнимых), вешая их у него перед глазами. Он использовал формулировки вроде «без пощады», «без жалости», которые противоречили постоянному выпячиванию собственной христианской веры и означали отказ от собственных ценностей, временный или постоянный. Растущее уважение перед боевой мощью противника и зарождающееся сочувствие по отношению к населению опустошенной страны сосуществовали с тем, что и в зоне ответственности Хейнрици совершались военные преступления против красноармейцев, комиссаров, военнопленных, партизан и гражданских лиц. Из его записок ясно, что он считал их необходимыми в борьбе с «отвратительной бестией» (1 августа 1941 г.), большевизмом, особенно в первые месяцы, когда немецкое командование безоглядно и прагматично делало ставку на быстрый успех. Показательно, что Хейнрици чувствовал себя не только на ином континенте, но и в ином времени: повторяющиеся сравнения с Тридцатилетней войной — не что иное, как (мнимое) оправдание собственного поведения в ходе кампании, которая испепелила все договоры, призванные сдерживать жестокость войны, начиная с Гаагской конвенции. Позднейшая критика Хейнрици такого способа ведения боевых действий, например во время эксцессов с «выжженной землей» осенью 1943 г., не отменяет тот факт, что он как крупный военачальник внес свой вклад в выход войны за все возможные рамки.

Частное. Как и следовало ожидать, в переписке Хейнрици с семьей, которая, к сожалению, сохранилась в его архиве лишь односторонне, частная жизнь играла большую роль. Особенно во Второй мировой войне, когда солдат был лишен «нормальных» будней, собственная семья, собственный дом и собственное имущество были основополагающими и смыслообразующими понятиями. Письма Хейнрици прокладывают мостик к его частной жизни в Германии и тем самым создают ментальное частное пространство, в котором он зачастую мог выражать свои

истинные мысли и чувства. В данном издании постоянное обсуждение частных тем представлено лишь на отдельных примерах. Брак генерала был наполнен конфликтами как раз потому, что он не совсем отвечал общепринятому в национал-социалистической Германии порядку. Имущество Гертруды и Готхарда Хейнрици было раздельным. Супруга располагалась состоянием, складывавшимся из владений ее отца в Либиау и сдаваемой в аренду аптеки ее отчима в Кёнигсберге, и порой действовала по собственному усмотрению. Вскоре после начала войны она переехала из Мюнстера в Глоттерталь (Шварцвальд) и начала обучение на фармацевта во Фрайбурге. Из-за того что муж и сын были на войне, а обязанная ходить в школу дочь жила в семье знакомых, ей было проще заняться саморазвитием.

Эту довольно современную концепцию Хейнрици принимал с трудом. Он пытался управлять супругой издали посредством писем, предписывать, регламентировать. Раз за разом он повторял резкие упреки, что его жена слишком мало внимания уделяет детям и хозяйству, ведет расточительную и бесплановую жизнь. Несмотря на сухое, порой даже оскорбительное обхождение с супругой, видно, сколь важны ему были обмен мнениями и связь с «Трудель» (Гертрудой). Кроме того, Хейнрици заботился о детях, особенно о сыне Хартмуте, который, будучи молодым офицером, сражался на разных фронтах и дважды был тяжело ранен. Третьим объектом внимания была его частная собственность, которую Хейнрици обязательно хотел сохранить, пока шла война. Его письма наполнены размышлениями о собственном капитале и финансах вообще, о спасении ценностей, об инвестициях в новую недвижимость. После разрушения мюнстерской квартиры в октябре 1943 г. ему снова хотелось иметь какое-то жилище в собственном владении. Желание сохранить частное пространство, защищающее от внешних сил, усиливалось в ходе войны и проявлялось в письмах Хейнрици не только заботами о семье и собственности, но и всё более частыми обращениями к своей прочувствованной религиозности.

Послевоенное. С окончанием войны завершилась и военная карьера Хейнрици. Но он от нее не отделился: до самой смерти в 1971 г. сначала (до мая 1948 г.) как военнопленный британской короны, затем как частное лицо и пенсионер в Западной Германии, он вел «сражения» за бывший генералитет вермахта, его реабилитацию и историческую оценку¹⁵. Ретроспективные записи и письма генерала, посвященные воспомина-

---

¹⁵ См. библиографию с отсылками к дальнейшему чтению: *Hürter J. Die Wehrmachtsgeneralität und die „Bewältigung“ ihrer NS-Vergangenheit // Forum für ost-europäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2014. Jahrg. 18. S. 17–30.*

ниям и оправданию своей деятельности во время Второй мировой войны, составляют большую часть оставленного им архива¹⁶. Дважды его доставляли из британского плена в Нюрнберг, где допрашивали в рамках процессов, которые союзники вели против военных преступников. Сам он перед судом не предстал. В 50-е гг. Хейнрици работал над *Case Studies* бывших офицеров вермахта для американского Исторического отделения армии США, который предоставил побежденному немецкому генеральному штабу нежданную возможность реконструировать свою историю для победителей и потомков по собственному усмотрению¹⁷.

Ту же цель — добиться права самому толковать национал-социалистическое прошлое военной элиты — преследовали его интервью и работа консультантом для многочисленных научных публикаций, среди которых следует особенно выделить искусную манипуляцию в бестселлере Корнелиуса Райана о битве за Берлин. На американского публициста Хейнрици произвел столь сильное впечатление, что тот сделал его героем своей книги, показательным образцом талантливого и высокоморального немецкого генерала¹⁸. Аргументация всех его послевоенных высказываний следовала гигантскому дихотомичному нарративу для снятия вины с генералитета: с одной стороны, высокопрофессиональная, аполитичная и воспитанная военная элита, с другой — дилетант в военных делах Гитлер, который вместе со своими присными отвечает за все поражения и преступления. Это искажение истории удавалось постоянно базировать на собственных претензиях к национал-социалистическому режиму, которые действительно существовали, особенно с 1942–1943 гг., но и близко не достигали того размаха и той обособленности от режима, о которых говорилось после войны. Собственное же одобрение, соучастие и ответственность за национал-социалистическую диктатуру, напротив, отрицалось или умалялось без единого признака самокритики. И в этом отношении Готхард Хейнрици был совершенно нормальным генералом вермахта.

Йоханнес Хюртер

---

¹⁶ В особенности см. записки и отдельные главы из запланированных, но так и не опубликованных мемуаров (BArch. N 265/20–26), материалы по процессам над военными преступниками (BArch. N 265/50–55), материалы по сотрудничеству над *Case Studies* в Historical Division и другие военно-исторические работы (BArch. N 265/71–137).

¹⁷ См.: *Howell E.-J. Von den Besiegten...* Об участии Хейнрици см.: S. 135f.

¹⁸ См.: *Hürter J. Die Geschichtserzählung des Cornelius Ryan // Ryan C. Der letzte Kampf. Neuauflage. Darmstadt: Theiss, 2015. S. I–XIII.* Интервью и иные материалы Хейнрици для данного проекта хранятся в Коллекции документов Второй мировой войны Корнелиуса Райана, в Университете Огайо в городе Атенс, штат Огайо.